

И.Н. МОЧАЛОВА, канд. филос. наук, доцент, ЛГУ им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ПАЙДЕЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИДЕАЛОВ

В статье анализируются особенности становления и развития греческой пайдеи. Показывается, как автономизация интеллектуальной деятельности приводит к появлению философии как многознания. В дальнейшем представителями этой традиции выступают софисты и риторы. Альтернативный образовательный идеал предлагает и реализует в Академии Платон. Подход Аристотеля и практика Ликеев представляют синтез философии как «первой философии», или теологии и филодоксии как «второй философии», или физики, что можно рассматривать как важный этап процесса формирования философии как универсальной науки.

Ключевые слова: пайдея, филодоксия, образование, древнегреческая философия.

У статті аналізуються особливості становлення і розвитку грецької пайдеї. Показується, як автономізація інтелектуальної діяльності приводить до появи філософії як багатознання. Надалі представниками цієї традиції виступають софісти та риторі. Альтернативний освітній ідеал пропонує і реалізує в Академії Платон. Підхід Арістотеля та практика Лікею представляють синтез філософії як «першої філософії», або теології і філодоксії як «другої філософії», або фізики, який можна розглядати як важливий етап процесу формування філософії як універсальної науки.

Ключові слова: пайдея, філодоксія, освіта, давньогрецька філософія.

The present paper analyzes some specific features of the formation and development of Greek paideia. It is shown how decoupling of intellectual activity results in appearing the philosophy as multi-knowledge. Later on, sophists and rhetoricians become representatives of this tradition. Plato offers an alternative educational ideal and realizes it within the Academy. Aristotle's approach as well as Lykei's practice constitute a synthesis of philosophy as "the first philosophy", or theology and philodoxy as "the second one", or physics that can be considered as an important phase of forming the philosophy as a universe learning.

Keywords: paideia, philodoxy, education, ancient greek philosophy.

Два последних десятилетия Россия живет в условиях перманентного реформирования всех сторон культуры, в том числе и сферы образования. Успех реформы подразумевает не только осознание идеала, выступающего в качестве ее цели, но и выработку идеала, адекватного современной социокультурной ситуации. Идеалы образованности, предложенные античной культурой, можно, без сомнения, считать базовыми для всей европейской традиции в целом. Думается, обращение к их анализу – это взгляд в прошлое, который может помочь увидеть контуры культуры будущего.

Изобретение слова «философия» античная традиция связывает с именем Пифагора, именно он «первым ввел в Элладу философию» (Isocr. Bus., 28) и

«впервые назвал философию этим именем, а себя философом» (D.L. I. 2). Согласно сохранившимся источникам, к этому Пифагора привело осознание ограниченности человеческого знания по сравнению со знанием божественным. «Упрекая семерых мудрецов (как их прозвали до него), он говорил, что никто не мудр, ибо человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, а тот, кто стремится к нраву и образу жизни мудрого существа может быть подобающе назван любомудром» (fr. 21a DK), ибо «никто не мудр, кроме бога» (D.L.I, 12) [1*]. Не обладая божественной мудростью, человек должен, по мнению Пифагора, «познавать и наблюдать» (Arist. *Protr.* fr.20; ср.: fr. 18). По словам Пифагора, человеческая жизнь напоминает «праздничный торг»: «одни природою призваны служить славе, другие служить наживе, и лишь немногие, отбросив все остальные дела, внимательно всматриваются в природу вещей, – они-то и называются «любителями мудрости», то есть философами; и как на состязаниях благороднее всего смотреть и ничего для себя не искать, так и в жизни лучше всего созерцание и познание вещей» (Cic. *Tusc.* V.3; ср.: D.L.8.8.; Imb. V.P. 58-59). Таким образом, Пифагор видит задачу философа в том, чтобы познавать и наблюдать, что значит, проявляя любознательность, собирать разнообразную информацию: сведения практического и исторического характера, данные астрономических, географических, этнографических, медицинских наблюдений. Это вполне согласуется с ироничными словами Гераклита о подобных философах: «Многого знатоками должны быть любомудрые мужи» (fr. 35 DK) [2*]. Не разделяя их понимания мудрости [3*], Гераклит точно ее определяет, создавая для обозначения такого рода философии новое слово – «полиматия» («polymatheia» от «polys» «многие» и «manthano» – «знание») – многознание (fr. 40 DK).

Действительно, ко второй половине VI в. до н.э. как в среде ионийских физиков, так и пифагорейцев, формируется особый тип интеллектуальной деятельности – стремление к универсальному знанию, знанию обо всем. Как отмечает Ю. Шичалин, вплоть до Платона, переосмыслившего этот термин, под философией понимали «любознательность в широком смысле» или некую «специфическую осведомленность, ученость» [8, с.22, прим. 2*]. И хотя первоначально собирание разнообразных сведений, многие из которых заимствовались на Востоке, у вавилонян или египтян [4*], филологические и математические изыскания были непосредственно связаны с практической сферой жизни, достаточно быстро такого рода интеллектуальная деятельность становится автономной.

Безусловно, к интеллектуальной элите того времени можно отнести милетцев: Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена. Все трое занимались астрономией, метеорологией, геометрией и календарными расчетами. Всем

троим традиция приписывает достижения одного типа. Так, если Фалес предсказал солнечное затмение, то Анаксимандр – землетрясение, а Анаксимен объяснил его причину. Все трое высказывали предположения о движении светил, Фалес разделил год на триста шестьдесят пять дней (как делалось и в Египте), Анаксимандр изобрел гномон (или заимствовал, как сообщает Геродот (II 109), Анаксимена Плиний также называет изобретателем: «и первым, кто продемонстрировал в Лакедемоне солнечные часы (II 186). Имя Фалеса становится нарицательным для обозначения учености в астрономии и геометрии, о чем говорит использование его имени Аристофаном в своих комедиях (Nub. 177-180; Av.999-1009).

Об автономизации интеллектуальной деятельности свидетельствует разработка специальных средств ретрансляции и способов хранения накопленных знаний, к которым, в частности, относятся формирующаяся традиция научной прозы (Анаксимандр первым излагает свои взгляды в прозаическом сочинении, Анаксимен эту традицию совершенствует) и открытие первых библиотек, в частности библиотек Поликрата и Гиппарха, сам факт создания которых уже свидетельствует о большом количестве записанных текстов [5*]. Накопление разнообразных знаний приводит к тому, что сами знания начинают рассматриваться как ценность, образуя особую реальность – мир культуры: существование которой все менее нуждается в специальном оправдании какими-то практическими городскими нуждами. Многознанием начинают гордиться, отстаивая интеллектуальное превосходство в полемике с другими интеллектуалами и критикуя традиционные авторитеты; оно может приносить деньги, славу и почитание, сравнимые со славой государственных деятелей и атлетов-победителей. Позиция одинокого Гераклита, противопоставившего себя всем современникам и критиковавшего мудрость как многознание (fr. 35, 129 DK), лишь подтверждает правило. Гераклит, действительно, одинок, со своим знаменитым тезисом: «многознание уму не научает» (fr. 40 DK). Многознание начинает восприниматься как особого рода доблесть и культурный идеал, приходящий на смену идеалу воинскому, что представляет собой значительный шаг вперед на пути «от культуры воина к культуре писцов» [5, с.62].

В классическую эпоху стремление к многознанию, в основе которого лежит уверенность в безусловной онтологической ценности чувственного мира, как мира культуры, так и мира природы, проявляется еще более ярко. Знаменитые слова Аристотеля: «Все люди от природы стремятся к знанию» (Arist. Met. 980 a 21 sqq.), – есть выражение именно этого стремления. Можно сказать, культурный человек – это человек, знающий многое, мудрый человек, как считает Аристотель, «насколько это возможно, знает все, хотя

он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности» (Там же, 982 а 9-10). Утверждая полиматию как ценность, культура выдвигает на сцену знатока-учителя, ибо, как подчеркивал Аристотель, «признак знатока – способность научить». Во второй половине V в. до н.э. складывается тип учителя-софиста [6*], носителя новой системы ценностей, учителя, который должен заменить воспитателя-отца и нести ответственность за духовное становление ребенка. Самыми знаменитыми софистами были Протагор из Абдер, Горгий из Леонтин, афинянин Антифонт, Продик Кеосский и Гиппий Элидский. Уроженцы разных мест, любознательные путешественники, все они посещали Афины, ибо именно в Афинах закладывались основы новой культуры.

Идеалом софистов становится человек свободный, разбирающийся во всем и способный судить обо всем, ибо обладает «общей культурой» (как предлагает переводить термин И. Адо [1, с.6]. Свою роль софисты видят в том, чтобы вооружить учеников универсальным инструментом – словом. Владение словом – вот, что отличает человека от животного. Слово делает всех людей равными: успех каждого определяется не принадлежностью к той или иной стране (мы знаем о космополитизме не только Диогена Синопского, но и Гиппия и Антифонта), не знатностью или богатством, а образованностью. Человек, обученный словесному искусству, становится, по мнению софистов, самодостаточным, свободным, прежде всего от условностей морали, и разумным.

Владеть словесным искусством, для софистов, – значит уметь вести диалог на любую тему с целью убеждения (в этом смысле софистика – это, прежде всего, эристика); побеждать в споре, ибо цель словесного агона, как всякого поединка или сражения, победа, для достижения которой оправдываются любые средства. Победа в споре-агоне заключается в том, чтобы публично заставить отвечающего противоречить самому себе, сломив его попытки избежать этой ловушки. Демонстрация противоречия важна сама по себе и не зависит от истинности или ложности обсуждаемых утверждений. В этом случае софиста, равнодушного к истине, но стремящегося к победе и обучающего этому, правильнее будет называть не философом [7*], а филодоксом, любящим мнения.

Учителей-филодоксов мы встретим и в возникших в Афинах риторических школах с регулярным обучением. Образцом такой школы была риторическая школа Исократ. Несмотря на критику софистов (речь Исократ «Против софистов» – 390 г. до н.э.), в главном он согласен с ними: ребенок должен учиться «не ради ремесла», а «ради образования» (Pl. Prot. 312 b 2-4). Совершенствование софистической техники слова приводит Исократ к пониманию словесной деятельности в единстве трех аспектов: как

умелое применение технических приемов, как средство приносить пользу и как свидетельство разумности говорящего. Понятое таким образом ораторское мастерство становится у Исократ «философией речи», опирающейся на знакомство учеников с общепринятым, установленным мнением. Исократ полагал, что «гораздо лучше иметь правдоподобное мнение о вещах полезных, чем о бесполезных иметь точное знание» (Isocr. X, 5). Неоднократно подчеркивая приоритет мнения, он писал: «Поскольку человек неспособен иметь знание, с помощью которого он бы решал, что следует делать и говорить, то я называю мудрыми тех, кто при помощи мнений больше всего может достичь наилучшего» (Isocr. XV, 271).

Отстаивая пользу филодоксии, ибо «более согласны между собой и чаще оказываются правы те, кто пользуются мнениями, чем те, кто заявляет о себе, что располагает знанием» (Isocr. XIII, 8; ср.: XII, 30), Исократ добивался опытности учеников в оценке событий частной и политической жизни, формировал профессиональные навыки для любой деятельности. Он мог вполне согласиться с Протагором, что именно такое образование сможет сделать из учеников хороших граждан, способных не только управлять собственным хозяйством, но и государственными делами, т.е. овладеть «политическим искусством».

Таким образом, полиматия в понимании софистов и Исократ – это знание обо всем, единство которого достигается лишь формальными языковыми средствами, а в качестве критерия оценки выступает полезность данного знания для его обладателя. В отличие от своих многознающих предшественников, софисты и Исократ не стремятся к истине. Уверенные в относительности человеческого знания, они предпочитают обладание мнением, под которым понимают многообразие полезных сведений, безуспешным, и поэтому, с их точки зрения, бесполезным поискам истины. При таком подходе стремление к знанию выступает именно как филодоксия, а полиматия становится полидоксией. Вооружая своих учеников такого рода знаниями и давая им универсальный инструмент – слово, софисты и Исократ выступают в качестве первых учителей-гуманитариев, ставящих перед собой задачу передать своим ученикам определенную сумму знаний-мнений и научить их успешному практическому применению этих знаний.

Однако, несмотря на безусловную значимость, утверждаемая филодоксия имела ряд недостатков. Прежде всего, подобное многознание оказывалось знанием поверхностным. Именно в этом Сократ и Платон обвиняли софистов и Исократ, публично демонстрируя несовершенство многознания. В этой связи несомненный интерес представляет диалог «Соперники», вероятно, написанный одним из учеников Платона в Академии. Цель диалога – показать слабость многознания. Автор утверждает,

что знание многого всегда поверхностно, а знаток многого всегда уступает мастеру в знании отдельного, как многоборец уступает в каждом из видов состязаний мастеру по отдельному виду. Таким образом, многознающий филодокс «оказывается во всем недостаточно совершенным» (Pl. Ant. 136 a).

Альтернативный идеал образованности был предложен и обоснован Платоном. Вместо разнообразных знаний-умений, составляющих филодоксию, Платон утверждает философию. В основе противопоставления филодоксии философии лежит противопоставление мнения знанию, практически, отсутствующее в доплатоновской традиции. Это противопоставление становится обоснованным только в рамках сформулированной Платоном концепции двух миров: мира чистого истинного бытия (мира идей) и мира чувственно воспринимаемых вещей.

Определяя в «Государстве» мнение и знание как различные способности, Платон утверждает, что мнение как способность направлено на «звуки, красивые цвета и тому подобное», соответственно любящие мнения – это люди, погруженные в мир чувственный. Они любят слушать и смотреть, радуются прекрасным звукам, краскам, очертаниям и всему производному от этого, Платон не допускает существования прекрасного самого по себе. Живущие в постоянно меняющемся мире, «любители зрелищ и ремесел», по мнению Платона, они больше похожи на спящих, чем бодрствующих. В отличие от мнения, «знание по своей природе направлено на бытие с целью постичь, какое оно», оно позволяет «подняться до красоты самой по себе и видеть ее самое по себе» «духовным взором», «постичь то, что вечно тождественно самому себе» (Pl. Rep. 475 d 1 sqq.). «Тех, кто ценит все существующее само по себе, должно», – приходит к выводу Платон, завершая пятую книгу «Государства» – «называть философами, а не любителями мнений» (Там же. 480 a 11-12). Для Платона, постижение бытия и есть усмотрение истины, а подлинный философ – это тот, кто «любит усматривать истину».

Именно на достижение истины была направлена разработанная Платоном в «Государстве» образовательная программа, состоящая из трех основных блоков (государственная практика, научное знание и философия); этой же цели философ подчинил организацию всего учебного процесса в Академии. В соответствии с программой обучение осуществлялось по трем основным направлениям. Во-первых, непосредственная подготовка к государственной деятельности, предполагавшая овладение ораторским искусством и диалектикой, изучение поэтики, обсуждение этико-политических проблем. Вторым направлением было обучение математическим наукам, в число которых входили: учение о числах (арифметика), учение о пространственных фигурах (геометрия), астрономия

и гармоника (математическая теория музыки). В рамках третьего направления реализовывалась главная задача школы, состоящая в достижении мудрости, способности души созерцать подлинное бытие, истину, благо, что в полной мере отражало существо греческой пайдейи, предполагающей единство образования, воспитания, знания.

Кроме того, в Академии были представлены три образовательных уровня: обучение подростков в гимнасии, получение «высшего образования» в рамках академических занятий с философами и учеными и, наконец, дальнейшее совершенствование в коллективе философов-единомышленников. От ступени к ступени круг изучаемых предметов, практически, не менялся, специфика каждой заключалась не в расширении круга изучаемых предметов, а в глубине их постижения, в умении увидеть, посредством диалектического искусства, единое во многом, или сущее само по себе. Чем глубже постигались науки, тем уже становился их круг, пока истина «внезапно как свет» не возникала в душе.

Таким образом, Платон, убежденный в том, что воспитание гражданина не может быть ограничено обретением многознания, вместо разнообразных знаний-умений, которым обещали научить софисты и риторы, предложил обретение мудрости. Для Платона, мудрый человек – это человек добродетельный, способный к самораскрытию божественного начала в душе. Это труднодостижимо, требует много времени, природных способностей и усилий. Именно поэтому Платон считает добродетель божественным даром или божественным жребием, полагая, что добродетельных людей немного. Платон называет их философами и утверждает, что именно они должны управлять государством. Как учитель-философ он уверен: обучение должно состоять не в передаче от мастера к ученикам совокупности знаний-умений, а в совместном поиске истины, когда в ходе многочисленных бесед и совместных занятий «с помощью беззлых вопросов и ответов может просиять разум» (Pl. Ep. VII 344 b). Ученик в творческом порыве, без принуждения обретает мудрость, восхищаясь божественным даром и переживая чувство подлинной свободы, ибо, как утверждал Платон, «не может разум быть чьим-либо послушным рабом» (Pl. Leg. 875 c).

Отказ Аристотеля и ряда других академиков от учения Платона об идеях, разрушивший его концепцию двух миров[8*], приводил к формированию иного понимания как филодоксии, так и философии. Мир для зрелого Аристотеля – это, прежде всего, чувственно воспринимаемое многообразие единичного. Уверенный в онтологической ценности чувственного мира, Аристотель в своем стремлении знать все природное, человеческое, божественное, реабилитирует филодоксию, понимая ее, прежде всего, как знание природы, или естествознание. И хотя его

стремление получить наиболее полное знание о природе было сродни полиматии первых греческих философов, однако, скорее, образцом для Аристотеля выступает многознание, формирующееся в медицинских кругах V - IV вв. до н.э. [9*].

И врач-профессионал, и любитель медицины этого времени – люди просвещенные и любознательные, уверенные не только в существовании универсальной природы Космоса, но и в возможности познать его. Под образованностью они понимают способность выносить правильное суждение обо всем, что предполагает овладение определенным методом познания. В основе метода, разработанного греческими врачами, лежало систематическое наблюдение за многообразием единичных явлений, стремление к точности, ясности и полноте описаний полученных эмпирических данных. Именно медицинский метод стал основанием для выработки методологии естествознания в целом и, очевидно, сыграл важную роль в формировании целого ряда ученых, для которых полиматия выступила в качестве гносеологического идеала.

Одним из таких ученых-философов можно считать Евдокса Книдского (ок. 390 – 337 до н.э.) – математика, астронома, географа, врача и политика. Фундаментом его разнообразных исследований было убеждение в единстве и соразмерности (гармоничности) всего сущего и, как следствие, признание единства и соразмерности всякого знания о нем, ибо, в конечном счете, целостность космоса определяла целостность знания о нем. Прежде всего, это касалось математического знания, представляющего единство арифметики, геометрии, гармоники и астрономии. Уверенность в соразмерности всего сущего приводит Евдокса не только к успехам в области геометрии (он получает известность как создатель новой теории отношений и «метода исчерпывания»), но и к блестящим результатам в другой «родственной» науке – астрономии. Опираясь на достижения в геометрии, изыскания Архита в механике, он разработал математико-кинематическую геоцентрическую модель планетарной системы [10*]. Именно Евдоксу впервые удалось описать совокупность небесных явлений как единую, целостную систему, элементы которой связаны между собой причинно-следственными соотношениями. В дальнейшем эта система была усовершенствована его учеником Каллиппом из Кизика, а также Аристотелем, который описывал видимое движение небесных тел уже с помощью 55 сфер [11*].

Признание целостности и единства космоса, определяемых соразмерностью всех его частей определяло уверенность Евдокса в единстве чувственного познания и умознания, что наиболее полно реализовывалось в практике специально организованного, систематического наблюдения. В

частности, вместе со своими учениками в Кизике он организовал, возможно, впервые в Греции систематические наблюдения за движением небесных тел, что позволило ему описать доступные для этой географической широты созвездия и составить звездный каталог. С развитием наблюдательной астрономии была тесно связана так называемая календарная астрономия, занимавшаяся поисками наилучшей схемы лунно-солнечного календаря. Стремясь наиболее точно согласовать лунный календарь с движением Солнца, Евдокс внес уточнения в календарь Клеострата из Тенедоса, обосновав необходимость каждые 16 лет добавлять 3 дня, чтобы согласовать число месяцев и число дней, а каждые 160 лет опускать дополнительный месяц, для того, чтобы добиться согласования с солнечным годом. Стремление к полноте и точности описания обнаруживается не только в астрономических работах, но и в «Объезде земли», географическом лексиконе, содержащем последовательное описание известных частей мира: Азии, Африки и Европы, причем анализ сохранившихся фрагментов этого сочинения показывает, что Евдоксу интересен не только собственно географический материал, но и исторические, политические, этнографические детали жизни народов, населяющих эти территории.

Краткий обзор достижений Евдокса позволяет говорить о нем как о широко образованном мыслителе, одном из самых блестящих интеллектуалов эпохи Платона и Аристотеля, безусловно, стремящемся к многознанию и достигающем его. Однако вряд ли мыслителя можно упрекнуть в поверхностных знаниях: многознание в данном случае обретает мудрость. Многообразие единичного, частного понимается как осуществление имманентного стремления всего сущего к соразмерности, открывающейся многознающему философу.

Энциклопедизм Аристотеля представляет собой наиболее полную и последовательную в рамках классической античной культуры реализацию этой концепции. Утверждая истинное бытие как чистую форму, или Ум (Бог), мыслящий самого себя, неподвижный перводвигатель, Аристотель сохраняет платоновское понимание философии. Он называет ее «первой философией» и подчеркивает, что «первая философия» имеет наиболее высокий ценностный статус («божественной была бы всякая наука о божественном» – *Arist. Met.* 983 а 8-10), «именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее – что оно такое и каково все, присущее ему как сущему» (Там же, 1026 а 30-32). Однако, преодолевая платоновское противопоставление философии и филодоксии, Аристотель предлагает наряду с «первой философией», или теологией, признать и «вторую философию», или физику, что, безусловно, повышает ценностный статус естествознания в целом и является важным этапом в процессе формирования философии как универсальной науки.

Стремление Аристотеля к энциклопедической образованности, выразившееся в синтезе философии и филодоксии, получило не только теоретическое обоснование, но и практическую реализацию в работе основанной философом школы, Ликее. Хотя и созданный по образцу Академии Ликей, по замыслу Аристотеля, должен был решать иную задачу. Если Платон видел свою цель в том, чтобы помочь ученикам достичь созерцания истинного бытия, для чего необходимо «слить с ним свою душу» (Pl. Ер. VII, 341 с), то Аристотель стремится получить наиболее полное знание о природе. В Ликее работает ряд крупных ученых, занятых определенными областями науки. Теофраст является основателем ботаники и минералогии, Эвдем становится известным как астроном и математик, Дикеарх занимается географией, Аристоксен – историей и теорией музыки, Менон – историей медицины. Вероятно, работа была распределена планомерно для того, чтобы в итоге получилась энциклопедия, охватывающая все отрасли знания. Можно только пожалеть, что труды Ликеев дошли до нас в основном в качестве небольших фрагментов, что не позволяет адекватно оценить масштабы деятельности школы. При Теофрасте Ликей становится крупнейшим научным центром с богатой библиотекой, которую Аристотель начал собирать еще в Академии. В школе находилась ценнейшая коллекция минералов, гербарии, собрание конституции 150 греческих городов. Именно в рамках Ликее впервые осуществляется дифференциация научных дисциплин, ранее составляющих нерасчлененное синкретичное целое науки «о природе». Систематическая разработка всех областей знания на основе метода Аристотеля, координация научной работы между отдельными членами школы позволяет говорить о ней как о новом научно-образовательном институте. Можно сказать, Аристотелю удалось, опираясь на достижения естествознания своего времени, предложить оригинальный синтез софистической филодоксии и платоновской философии, многознания и мудрости.

Сегодня в условиях культурно-философского плюрализма и радикальной критики самой идеи универсальности философского знания, мудрость многознания оказалась потерянной. Филодоксия, оставшаяся в начале XXI в. без философии, теряет способность решать экзистенциальные проблемы человека, обрекая его на одиночество среди вещей; философия без филодоксии, не отвечая реальностям современной жизни, предлагает уход от нее (путь христианской аскезы или буддийской нирваны). Возращение к многознанию мудрости, или иначе, осуществление синтеза филодоксии и философии есть процесс формирования новой философской парадигмы. Возможен ли такой синтез, и если возможен, то на какой основе? – вот вопросы, стоящие перед современной философией. Как представляется, от их

решения во многом зависит то, какой идеал образованности станет определяющим для развития современной школы.

Примечания:

1*. В досократовской традиции указание на ограниченность человеческих знаний по сравнению с божественным встречается. Например, Алкмеон начинает свое сочинение с утверждения о том, что «о вещах незримых, о вещах божественных, очевидной истиной обладают боги...» (fr. 1 DK), сходную идею находим и у Филолая (fr. 6 DK). **2***. У Геродота также можно увидеть связь философии и стремления к разнообразным знаниям: «философствующим» называет он путешествующего из любознательности Солона (I 30, 2). **3***. К такого рода мудрецам Гераклит отнес Гесиода, Пифагора, Ксенофана и Гекатея (fr. 40 DK; ср.: fr. 129 DK). **4***. О характере разнообразных сведений, заимствованных на Востоке, см.: [2, с. 168-169.] Свобода перемещения и разнообразные путешествия, в целом мобильность греков, возможность не только свободно перемещаться, но и включаться в культурную жизнь на новом месте, безусловно, способствовали формированию традиции, связывающей мудрость и многознание. Подробнее об этом как факторе культурного переворота см.: [3, с. 40-48.]. **5***. На значение первых библиотек как фактора становления и распространения нового типа интеллектуальной деятельности обращает внимание Ю.А. Шичалин в работе «Статус науки в орфико-пифагорейских кругах» [7, с. 26-29]. **6***. Слово «софист» (от глагола *sofizein* – обучать) первоначально означало «способный стать мастером», или просто «мастер». Возросшая к V в. до н.э. потребность в хороших мастерах приводит к распространению платных услуг, что позволяет дифференцировать качество работы: учитель становится мастером, который за выполненную работу получает деньги. Деньги начинают выступать средством оценки сделанной работы. Это делает необходимым выработку критерия ее оценки, для чего нужно ясное понимание, чему должен быть обучен ученик, т.е. должно быть определено содержание обучения, поставлена цель и найдены адекватные средства ее достижения, обучение становится продуманным рациональным процессом. **7***. Софисты используют термин философия, связывая его с практикой ведения спора. Например, Горгий говорит о спорах философов, где «открываются и мысли быстрота, и языка острота: как быстро они заставляют менять доверие к мнению (Похвала Елене, 13). **8***. Подробнее см.: Мочалова И.Н. Метафизика ранней академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля [6, с. 264-288]. **9***. О роли и значении медицины в древнегреческой культуре подробнее см. работу В. Йегера [4, с. 13-48]. **10***. Детальное описание модели Евдокса, образованной 27 сферами, сохранилось у Симпликия (fr.124 = Simpl. In Cael. comm., 493.11-497.8; ср.: Arist. Met. 1073 b17 sqq.), что позволило итальянскому астроному Скиапарелли в 1875 г. ее реконструировать. **11***. Самая совершенная система подобного рода была разработана Птолемеем.

Список литературы: **1.**Адо, И. Свободные искусства и философия в античной мысли [текст] / И. Адо; [пер. с франц. Е.Ф. Шичалина]. - М. : "Греко-латинский кабинет" Ю. А. Шичалина, 2002. – 478 с. - ISBN 5-87245-082-6. **2.**Жмудь, Л.Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме [текст] / Л.Я. Жмудь. - СПб. : Алетей, 1994. - 376 с. **3.**Зайцев, А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. [текст] / А.И. Зайцев, Э.Д. Фролов. – Л. : Издательство ЛГУ, 1985. - 208 с. **4.**Йегера, В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) [текст] /В. Йегера ; [пер. с нем. М.Н. Ботвинник]. – М. : "Греко - латинский кабинет" Ю.А.Шичалина, 1997. - 335 с. **5.**Marrу, А.-И. История воспитания в античности (Греция) [текст] / А.-И. Марру ; [пер. с фран.] / Марру, Анри-Ирене, Любжин, А.И., Сокольская, М.А., Пахомова, А.В. - М. : "Греко - латинский кабинет" Ю.А.Шичалина, 1998. - 427 с. **6.**Мочалова, И.Н. Метафизика ранней академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля [текст] / И.Н. Мочалова // АКАΔΗΜΕΙΑ: Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. Вып.3 / Под ред. А.В.Цыба. - СПб. : Из-во СПбГУ, 2000. -

С. 226-349. 7.Шичалин, Ю.А. Статус науки в орфико-пифагорейских кругах [текст] / Ю.А. Шичалин //Философско-религиозные истоки науки. – М., 1997. - С.12-44. 8.Шичалин, Ю.А. Античность. Европа.– История [текст] / Ю.А. Шичалин. – М. : Институт философии РАН, «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина,1999. - 208 с.

Поступила в редколлегию 10.10.2009

Реценент: канд. филос. наук, проф. М.С. Курочкина.